

6. Ильин И. А. О сущности правосознания // Теория государства и права. М., 2003.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 8.
8. Конституционное право России. Отв. ред. А. Н. Кокотов, М. И. Кукушкин. М., 2007.
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2003 г. № 13-П по делу о проверке конституционности положений статей 115 и 231 ГПК РСФСР, статей 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, статей 1, 21 и 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан, Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 30.
10. Коток В. Ф. О предмете и источниках конституционного права социалистических стран // Конституционное право социалистических стран. М., 1963.
11. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. М., 2006.
12. Лукьянова Е. А. Закон как источник советского государственного права. М., 1988.
13. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967.
14. Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 10.
15. Кокотов А. Н. Конституционное право России. Курс лекций. М., 2006.
16. Витрук Н. В. Конституционная ответственность: вопросы теории и практики // Конституционная ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. Под ред. С. А. Авакьяна. М., 2001.
17. Колесников Е. В. Постановления конституционных судов как источник российского конституционного права // Правоведение. 2001. № 2.
18. Конституционное право России. Отв. ред. А. Н. Кокотов и М. И. Кукушкин. М., 2007.
19. Страшун Б. А. К вопросу о понятии конституционного права // Журнал российского права. 2006. № 10.
20. Белкин А. А. Обычай и обыкновения в государственном праве // Правоведение. 1998. № 1.

*Михаил Иванович КЛЕАНДРОВ —
судья Конституционного Суда
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор*

КИРИЛЛИЦА ИЛИ ЛАТИНИЦА? ИЗ ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

УДК 342:003.349 (470+571)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме выбора графической основы алфавита татарского языка в Российской Федерации.

The article deals with a problem of choosing the tatar alphabet graphic basis in Russian Federation.

Осенью 2004 г. Конституционный Суд РФ в публичном слушании рассмотрел дело, постановление по которому было объявлено 16 ноября 2004 г., где

важной составной частью был поиск ответа на вопрос: на какой основе — кириллицы или латиницы — должен строиться алфавит татарского языка?

Инициаторами запросов в Конституционный Суд РФ выступили Государственный Совет Республики Татарстан и Верховный Суд Республики Татарстан (последний — в связи с рассмотрением конкретного дела), и суть их запросов состояла в следующем.

15 сентября 1999 г. в Республике Татарстан был принят региональный республиканский закон «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики»; была разработана и утверждена соответствующая Программа по реализации этого закона, которой было предусмотрено, что до 1 сентября 2011 г. в Республике Татарстан будут одновременно действовать два алфавита: на основе латинской графики и на основе кириллицы; и было установлено, что в Республике будет восстанавливаться татарский алфавит на основе латинской графики с учетом букв, выражающих специфические звуки татарского языка. 11 декабря 2002 г. в Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 г. были внесены изменения и дополнения, в связи с чем на основании п. 6 ст. 3 этого закона алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик в составе Российской Федерации строятся на графической основе кириллицы; иные графические основы алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик могут устанавливаться федеральными законами.

Таким образом, возникла коллизия между законом Республики Татарстан (далее — РТ), входящей в состав Российской Федерации (далее — РФ), и Федеральным законом; при этом важно, что в силу п. 2 ст. 4 Конституции РФ федеральные законы имеют верховенство на всей территории России. Возникшую коллизию попытался устранить Прокурор РТ, который обратился в Верховный Суд РТ с заявлением о признании противоречащим федеральному законодательству и не действующим со дня вступления решения суда в законную силу Закона РТ от 15 сентября 1999 г. «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики». В ходе рассмотрения этого дела в Верховный Суд РТ обратился Государственный Совет Республики Татарстан (высший в Республике законодательный орган) с ходатайством о направлении запроса в Конституционный Суд РФ. И Верховный Суд РТ удовлетворил это ходатайство, приостановив производство по рассматриваемому им делу.

Кроме того, Государственный Совет РТ, точнее, его Комиссия по науке, образованию, культуре и национальным вопросам — обратился в Конституционный Суд РТ с запросом о толковании ст.ст. 4 и 8 Конституции РТ. Основанием этого запроса послужила обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, являются ли названные конституционные нормы правовым основанием для определения алфавита татарского языка на основе латинской графики как элемента определения государственного языка РТ и составляет ли данный вопрос предмет ведения РТ. Конституционный Суд РТ постановлением от 24 декабря 2003 г. признал, что положение ч. 1 ст. 8 Конституции РТ включает в себя правомочие РТ по определению графической основы алфавита татарского языка как государственного языка РТ, употребляемого в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республики наряду с государственным языком РФ, и что в силу ч. 1 ст. 8 во взаимосвязи с ч. 1 ст. 4 Конституции РТ и п. 7 ч. 2 ст. II Договора РФ и РТ о разграничении предметов ведения и взаимном

делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти РТ от 15 февраля 1994 г., определение графической основы алфавита татарского языка как государственного языка РТ, в том числе восстановление алфавита татарского языка на основе латинской графики, относится к ведению РТ.

В своих обращениях в Конституционный Суд РФ оба заявителя — Государственный Совет РТ и Верховный Суд РТ — утверждали, что установление графической основы алфавита как органической составной части государственного языка республики, по смыслу ст. 68 (ч. 2), 71, 72, 73 и 76 (ч.ч. 4 и 6) Конституции РФ, не относится ни к ведению РФ, ни к совместному ведению РФ и ее субъектов, и, следовательно, в этом вопросе республики обладают всей полнотой государственной власти; выбор графической основы алфавита государственного языка является правомочием, производным от конституционного права республики устанавливать свои государственные языки, и, соответственно, составляет исключительную компетенцию самих республик; и что федеральный законодатель таким образом неправомерно вторгся в компетенцию республик — субъектов РФ, которые вправе осуществлять в данной сфере собственное правовое регулирование.

Строго говоря, в данном деле, рассмотренном Конституционным Судом РФ, «фигурировал» еще один заявитель — гражданин Х., обратившийся в интересах своего несовершеннолетнего сына — школьника с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод и, соответственно, с просьбой признать не соответствующими Конституции РФ положения двух законов Республики Татарстан — п. 2 ст. 6 Закона РТ «Об образовании» и п. 2 ст. 10 Закона РТ «О языках народов Республики Татарстан», которыми установлено, что татарский и русский языки как государственные языки РТ изучаются в учреждениях дошкольного, общего, начального, среднего и среднего специального образования в равных объемах. По мнению заявителя Х., поскольку обжалуемые им нормы обязывают учащихся общеобразовательных учебных заведений с русским языком обучения изучать татарский язык в большем объеме, для них — при соблюдении установленных максимальной учебной нагрузки и обязательного минимума содержания основных образовательных программ — ограничивается возможность углубленного изучения иных предметов учебного плана, а также освоения дисциплин по выбору (факультативно), чем граждане РФ, проживающие в РТ, ставятся в неравное положение в реализации права на образование по сравнению с проживающими в других субъектах РФ. Эта жалоба и запросы Госсовета РТ и Верховного Суда РТ Конституционным Судом РФ были объединены в одно производство и слушались в одном публичном процессе. Но сегмент дела по жалобе гражданина Х. в настоящей статье не рассматривается.

Таким образом, предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ этого дела, за исключением сегмента жалобы гражданина Х., явились положения п. 6 ст. 3 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» о строении алфавита государственных языков республик на графической основе кириллицы и о возможности установления иных графических основ алфавитов государственных языков республик федеральными законами.

Что интересного и имеющего прямое (либо косвенное) отношение к предмету дела удалось установить в ходе подготовки к публичному заседанию и в самом процессе — из экспертных и иных заключений, официальных документов, публикаций в СМИ, устных выступлений, вопросов и ответов участников процесса, научной литературы, обобщенной и проанализированной международной и зарубежной судебной практики и из других источников?

Во-первых, для кого предназначалась и кого должна была затронуть реформа алфавита татарского языка, провозглашенная законом РТ от 15 сентября 1999 г. в форме отказа от кириллицы и перевода алфавита татарского языка на латинскую графику? Численность татар в РФ по переписи 2002 г. составляла 5558 тыс. человек или 3,83% к населению России (по переписи 1989 г. — 5522, 1 тыс. чел.), при этом за пределами РТ в границах РФ проживало около 3800 тыс. татар, или примерно 70%. То есть в границах РТ проживает не более 30% татар. По утверждению специалистов, именно на языке, графической основой которого является кириллица, написано и издано не менее 90% всей татарской литературы — художественной, учебной, научной и т.д., вплоть до технических инструкций [1]. Известный российский политолог Сергей Кара-Мурза писал: «Узбеки перешли на латиницу. Это катастрофа — все узбеки сразу стали неграмотными. Теперь даже название магазина пожилой узбек не может прочитать. У них пропадает вся накопленная литература...» [2].

Во-вторых — как принимался в РТ региональный закон о переводе алфавита татарского языка с кириллицы на латиницу? Судя по стенограмме XIX пленарной сессии Государственного Совета РТ от 27 мая 1999 г. по вопросу «О проекте закона Республики Татарстан «О восстановлении татарского алфавита, основанного на латинской графике» (1-е чтение), один из депутатов, депутат К. в своем выступлении, в частности, сказал: «Еще одно письмо зачитаю, Мартина Бормана Альфреду Розенбергу от 22 июля 1942 года, совершенно секретно, государственной важности. «По поручению фюрера я довожу до Вашего сведения его пожелание, чтобы Вы соблюдали и проводили в жизнь на оккупированных восточных территориях следующие принципы. Мы можем быть заинтересованы только в том, чтобы сокращать прирост населения оккупированных восточных областей, ибо мы несколько не заинтересованы в том, чтобы не немецкое население размножалось. Например, ни при каких условиях не должны проводить прививки и другие оздоровительные мероприятия для не немецкого населения. Ни в коем случае не следует давать местному населению более высокое образование. По мнению фюрера, достаточно обучать только письму и чтению». И шестой пункт из этого письма: «В будущем в школах надо ввести для обучения латинский шрифт». И далее, в конце своего выступления, депутат К. сказал: «Так что татарский алфавит на основе латинской графики вводится для не немецкого населения». Несмотря на это эмоциональное выступление, как и на ряд иных (например, депутат Ш. на той же сессии говорил: «Мусульмане нашей ханифитской общины настаивают на проведении референдума по данному вопросу. Смотрите, ведь над грузинами, армянами, над их графикой никто не издевается. Только над нами, мусульманскими народами, тюрками, издеваются. Очередное нарушение делается для подавления тюркомусульманского мира, процветание которого предвидится в следующем тысячелетии»), этот закон РТ был принят.

В-третьих, что есть язык и графика его алфавита? В различных источниках язык как таковой определяется хоть и по-разному, но во многом схожим образом: а) исторически сложившаяся система словесного выражения мыслей, обладающая определенным звуковым, лексическим и грамматическим строем и служащая средством общения в человеческом обществе [3]; б) система словесного выражения мыслей, обладающая определенным звуковым и грамматическим строем и служащая средством общения людей [4]; в) система звуковых, лексичес-

ких, словообразовательных, грамматических средств как орудие обмена мыслями, взаимопонимания сообщества людей; важное средство человеческого общения, хранения и передачи информации, связанное с мышлением [5]; г) система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мнениями и взаимного понимания людей в обществе [6] и т.д. Из этого некоторыми экспертами делается вывод (в рамках рассматриваемого вопроса), что язык есть: неразрывная, целостная композиция элементов, одним из которых является грамматический строй; способ консервации и передачи информации, коммуникационная основа взаимодействия людей; важнейший механизм формирования культурной отличительности, существенный элемент индивидуальной и коллективной идентичности.

Далее: директор Института языкознания Российской Академии наук, профессор В. А. Виноградов (представленное в Конституционный Суд РФ заключение которого было составлено при консультативном участии известных тюркологов — члена-корреспондента РАН Э. Р. Тенищева и члена-корреспондента Казахской АН К. М. Мусоева) отмечает: письмо вообще и его графическая основа в частности не является неотъемлемой частью языка как средства общения и как сложноорганизованной системы элементов (единиц) и правил. Для всех естественных языков первична устная речь, а письменность вторична, это своего рода зримая «одежда» языка, но, безусловно, сшитая «по фигуре», т.е. с учетом конкретных особенностей звукового и грамматического строя данного языка. И подобно тому, как человек может сменить стиль одежды, оставаясь при этом самим собой, язык может сменить характер письменности, а ближе к рассматриваемому случаю — сменить графическую основу алфавитной системы, оставаясь тем же языком.

Вместе с тем, отмечается в этом заключении, не следует думать, что смена графики проходит совершенно безболезненно. Хотя сам язык этой сменой никак не затрагивается, его носителям и обществу в целом наносится определенный ущерб — носителям языка моральный, а государству материальный. Даже если графическая реформа будет признана рациональной и целесообразной, она потребует переучивания грамотных людей, переиздания основной культурно значимой массы письменных текстов в новой графике (поскольку подрастающие поколения не смогут читать по-старому), издания новых учебников и т.д. А все это требует немалых материальных затрат. И вообще подобные реформы всегда сопряжены с прерыванием письменно-культурной традиции народа, что сказывается отрицательно по крайней мере на нескольких поколениях.

Выбор графической основы алфавита, указывает В. А. Виноградовым, — это вопрос, редко решаемый с чисто научных позиций по двум причинам.

Первая — для конкретного языка как системы средств выражения безразлично, в какой графике он записывается, и тому есть множество примеров. Достаточно взять языки различных континентов за пределами Европы, и мы увидим, что при всем их структурном и генетическом разнообразии письменность для них разрабатывается по довольно единообразным принципам. Один и тот же язык с легкостью может записываться в кириллической или латинской графике, — например, слова китайского языка с его иероглифической письменностью в практике мировой китаистики вполне адекватно передаются в латинизированной записи, а в традиции отечественного востоковедения — в кириллической.

Вторая — выбор графики практически всегда связан с культурной и политической ориентацией государства и (или) образованной части населения. Огромную (а то и решающую) роль в истории письменности у разных народов играл религиозный фактор. Например, при несомненной близости славянских языков, одни славянские народы (находящиеся в сфере православия) пользуются кириллической графикой, а другие (находящиеся в сфере католицизма) пользуются латиницей; сравним два таких близких языка, как белорусский и польский. Распространение ислама естественно влекло внедрение графики, в которой написан Коран — арабской, что мы видим в истории таких разных языков, как турецкий и персидский (фарси). Той же причиной объясняется возникновение арабизированной письменности у татар в XIII веке.

Из сказанного, отмечает В. А. Виноградов, следует, что нет принципиальных различий между кириллицей и латиницей в качестве основы алфавита. И та, и другая не приспособлены для всех языков, как и арабская графика, а потому в любом случае необходима подгонка под особенности конкретного языка, т.е. должны вводиться либо новые буквы, либо дополнительные значки для передачи специфических для данного языка звуков. Вот почему любая из этих трех графических систем, взятая в отвлечении от конкретных языков, является несовершенной и требует доработки. Например, в арабском письме нет отдельных букв для гласных, а для тюркских языков важно отражать на письме звуковой состав слова полностью, поэтому с середины 19 в. раздаются критические голоса по поводу арабизированного письма для тюркских языков; первым серьезным критиком графического арабизма был крупный общественный деятель Закавказья, азербайджанский писатель Мирза-Фатали Ахундов.

Из такой критики выросло движение за латинизацию тюркской письменности, развернувшееся в СССР с согласия властей в конце 20-х гг. При этом немалая часть интеллигенции (особенно в Татарстане) выступала категорически против латинизации и за сохранение многовековой традиции арабизированной графики (их называли в тогдашних дискуссиях «арабистами»). Но сторонники латинизации («латинисты») объявили своих оппонентов приспешниками буржуазно-клерикальной контрреволюции, и вопрос таким образом был переведен целиком в политическую плоскость. Латинизированный тюркский алфавит называли в печати «алфавитом Октября», «орудием пролетарской Революции», и даже объявили сбор средств на постройку самолета «Октябрьский алфавит» [7].

Сторонники латинизации алфавитов тюркских (и некоторых других) народов СССР, указывает В. А. Виноградов, считали, что этот шаг приблизит прежде отстающие народы к мировой цивилизации, которая мыслилась в будущем как единая социалистическая с единым языком. Эти чисто утопические представления нельзя было принимать всерьез, так что к моменту наибольшего расцвета «латинизма» (конец 30-х гг.) у правительства СССР созрело прямо противоположное решение, которое и было проведено в жизнь (не в пример движению за латинизацию) по-сталински быстро и без долгих дискуссий. Можно ли считать, что отказ или, наоборот, принятие латинизированного алфавита отражается на успешности вхождения языка и его носителей в систему мировой коммуникации? На этот вопрос надо ответить отрицательно. В современной системе мировой коммуникации представлены все народы с самыми разнообразными системами письма, и едва ли арабские страны, Греция, Китай, Япония считают себя ущемленными в мировом информационном пространстве. Перейдя на латинский алфавит, язык не становится мировым, он остается самим собой и столь же мало понятным для других, как и при иной графике.

Примерно то же указал в своем заключении по запросу Конституционного Суда РФ заместитель директора Института востоковедения Российской АН про-

фессор В. М. Алпатов. В его заключении также указано, что аргумент о том, что латинский алфавит лучше передает особенности татарской фонетики, неправомерен, поскольку нельзя смешивать качества того или иного конкретного алфавита и систему письма в целом; нельзя считать, что алфавит на основе кириллицы должен обязательно полностью совпадать с русским алфавитом — наука давно уже разработала и для кириллицы, и для латиницы способы передать звуки, специфические для того или иного языка. В. М. Алпатов также отметил, что в 1920-30-е гг. для татарского и многих других языков народов СССР (в том числе почти всех тюркских и всех иранских) применялся латинский алфавит. Такая политика была во многом связана с ожиданием скорой мировой революции, после которой во всем мире должен был быть введен единый алфавит (на латинской основе, как самой распространенной), а затем и единый язык. Тогда речь шла и о переводе русского языка на латинский алфавит, что не осуществилось. Когда во второй половине 1930-х гг. был взят курс на укрепление единого государства и распространение русского языка, то латинские алфавиты были заменены кириллическими. Исконным алфавитом для татарского языка является арабский. С ним гораздо в большей степени, чем с латинским, была связана татарская культура. Но сейчас все прежние алфавиты (арабский и латинский) прочно забыты, а кириллица уже стала привычной.

В-третьих, определенный интерес представляет историческая составляющая проблемы.

Письменность татар до X в. основывалась на руническом письме, с X века по 1927 г. — на основе арабской графики, с 1928 по 1939 гг. — на основе латинской графики, и переход на кириллицу был осуществлен Указом Президиума Верховного Совета Татарской АССР от 5 мая 1939 г. Известный татарский писатель Муса Джалиль, родившийся в 1906 г., учился татарской грамоте на основе арабского алфавита и уже достаточно взрослым осваивал латиницу; созданная им в фашистской тюрьме «Моабитская тетрадь» частично была написана арабским, и частично — латинским алфавитом, т.е. Муса Джалиль не смог привыкнуть за несколько лет использования кириллицы в той мере, чтобы писать на ней [8].

Кириллица, как это определяет энциклопедия [9], одна из двух (вместе с глаголицей) первых славянских азбук. Названа по имени славянского просветителя Кирилла. Создана на основе греческого уставного письма в конце IX—начале X вв. с добавлением нескольких букв. Была распространена у южных, восточных и, вероятно, западных славян. В 1708 г. в России реформирована. Легла в основу русского алфавита.

Как отмечает известный филолог, уже здесь упоминаемый, В.М. Алпатов, после перевода в СССР значительной части языков на кириллицу (1937-1941 гг.) на полвека наступила стабилизация. Лишь для нескольких языков алфавит сменили на кириллицу позже: в 1953 г. на нее с латиницы перевели дунганский, в 1957 г. гагаузский, в 1954 г. с грузинского языка на кириллическое написание — абхазский и в Южной Осетии — осетинский. В 1940-80 годы, как пишет В.М. Алпатов, в письменности народов СССР господствовали кириллические алфавиты, для некоторых языков, прежде всего русского, украинского и белорусского, они сохранялись весь советский период. Литовцы, латыши, эстонцы, а также советские немцы, финны, поляки использовали латинский алфавит, для грузинского, армянского языков, идиша сохранились традиционные системы письма. В СССР в 1920-30-е гг. создали более 70 письменностей на латинской основе, но к 1950-м из них не осталось ни одной: большинство перевели на кириллицу, но при этом более десятка языков вновь стали бесписьменными [10].

В интересной, фундаментальной работе Д. Дилингера указывается, что на протяжении многих столетий язык римской церкви — латинский язык, использующий, естественно, латинский же алфавит, оставался международным языком европейского культурного мира. Благоприятные условия, в которых оказался латинский алфавит, привели к тому, что он был воспринят подавляющим большинством европейских народов и приспособлен к языкам самых различных лингвистических групп. В более позднее время, указывает Д. Дилингер, основной фактор, выраженный формулой «алфавит следует за религией», постепенно уступил свое место другим: «алфавит следует за флагом», и «алфавит следует за торговлей» [11].

Интересные мысли содержались и в иных экспертных заключениях (например, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, составленных — по отдельности — научным сотрудником Института Л. Н. Васильевой и исполняющей обязанности зав.отделом теории законодательства Е. А. Юртаевой), в статьях и монографиях по данной проблеме, в устных выступлениях, прозвучавших на процессе. В принципе можно, видимо, сказать, что поставленные Конституционным Судом РФ перед экспертами вопросы — в ходе подготовки к слушанию дела, получили, с той или иной степенью полноты, ответы. В совокупности же своей эти вопросы были сформулированы следующим образом.

Насколько графическая основа алфавита языка является составной частью общего понятия языка? Насколько «безболезненно» для самого языка и его носителей можно сменить графическую основу алфавита, в данном случае — с кириллицы на латиницу? Какая графическая основа алфавита татарского языка — кириллица или латиница — наиболее органична и естественна для использования письменной формы татарского языка? Какая графическая основа алфавита татарского языка — кириллица или латиница — более эффективно способна отвечать потребностям изложения в письменной форме буквам, выражающим специфические звуки татарского языка? Будет ли способствовать — с точки зрения науки языкознания — замена графической основы алфавита татарского языка с кириллицы на латиницу более успешному вхождению татарского языка как второго государственного языка РТ в лице его носителей в систему мировой коммуникации? Насколько «безболезненно» — как для самого татарского языка, так и для его носителей — произошло сокращение алфавита татарского языка, состоявшегося на основе Закона РТ от 20 января 1997 г. № 997 «Об упорядочении татарского алфавита» из 38 букв на алфавит, состоящий из 34 букв. Насколько широко в тюрко- и фарсиязычных регионах СССР использовался до 1938-39 гг. в письменной форме языков алфавит на основе латинской графики и чем был вызван перевод на алфавит на основе кириллицы? Исходя из общепринятых определений понятия языка, какая графика алфавита языка была бы для татарского языка наиболее исторически оправданной и органически естественной?

Разумеется, круг вопросов все время — и в ходе подготовки дела к слушанию, и в ходе самого процесса — непрерывно расширялся, но ясность по ним у суда, как и у участников процесса, в определенной мере появилась.

Процесс по данному делу не обошелся и без навязываемых «советов» (если не сказать — указаний) со стороны. Например, Президент международного ПЕН-клуба в письме, адресованном Конституционному Суду РФ (и в копии — Государственному Совету РТ), прямо указывал: «70-й Всемирный конгресс Международного ПЕН-клуба, состоявшийся в г. Тромсё (Норвегия), обращает внимание на необходимость ускорения судебной процедуры по заявлению парламента Республики Татарстан о вопросе незаконного приостановления процесса перехода татарской письменности на латинский алфавит. Для справедливого реше-

ния этого вопроса важно руководствоваться исключительно...». «Глубокую озабоченность» наличием политической составляющей в данном судебном процессе высказывал Президиум Союза общественных организаций татар Республики Башкортостан. Высказывался и татарский ПЕН-центр.

Весьма активно ход процесса обсуждался в российских СМИ [12]. Например, в обращении к руководителям РТ, подписанном примерно 30-ю авторитетными этническими татарами, живущими и работающими вне РТ, среди других вопросов спрашивалось: «Кто, когда, каким образом и на какие средства будет переобучать татарскому языку на латинской графике татар, живущих за пределами Республики Татарстан (а таких, как вы знаете, около 80 процентов)» и резюмировалось: «Таким образом, вопрос о том, какую графику должен использовать татарский язык — кириллицу или латиницу — вопрос далеко не только Республики Татарстан. Это вопрос федерального, общероссийского значения. И мы обращаемся к вам, дорогие наши татарстанцы, с призывом: именно с таких позиций подходить к решению проблемы графической основы татарского языка» [13].

Разумеется, в распоряжении Конституционного Суда РФ были и судьями тщательно проанализированы соответствующие международные правовые акты (Декларация ООН от 18 декабря 1992 г. «О правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам», Европейская хартия о региональных языках и языках меньшинств от 5 ноября 1992 г. (где, в частности, указано: защита и развитие региональных языков или языков меньшинств не должны осуществляться в ущерб официальным языкам и необходимости их изучения), Рамочная Конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств от 1 февраля 1995 г., Конвенция СНГ от 21 октября 1994 г. «Об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам» и др.), отдельные решения Европейского суда по правам человека, зарубежные акты и зарубежная судебная практика.

Учитывались при вынесении решения по данному делу и собственные правовые позиции Конституционного Суда РФ. Так, учитывалось, что Конституционный Суд в постановлении от 27 апреля 1998 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений ч. 1 ст. 92 Конституции Республики Башкортостан, ч. 1 ст. 3 Закона Республики Башкортостан «О Президенте Республики Башкортостан» (в редакции от 28 августа 1997 г.) и ст.ст. 1 и 7 закона Республики Башкортостан «О выборах Президента Республики Башкортостан» указал, что закрепление ч. 2 ст. 68 Конституции РФ права республик устанавливать свои государственные языки, которые употребляются в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик наряду с государственным языком РФ, обусловлено государственной целостностью РФ, единством системы государственной власти, особенностями федеративного устройства РФ и служит интересам сохранения двуязычия (многоязычия) их многонациональных народов.

Можно сделать вывод: наличие единой графической основы письменностей языков народов России позволяет сохранить единое культурное и образовательное пространство РФ, а следовательно, служит единению ее многонационального народа и сохранению государственной целостности.

Что было положено в основу решения Конституционного Суда РФ по этому делу? Какие конституционные положения лежат в основе этого решения?

Как известно, РФ состоит из таких равноправных субъектов, как республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа. В силу ч. 2 ст. 68 Конституции РФ за республиками в составе РФ, с учетом обусловленных факторами исторического и национального харак-

тера особенностей их конституционно-правового статуса, признается право устанавливать свои государственные языки и использовать их в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждений республик наряду с государственным языком РФ, т.е. придавать языку, который традиционно употребляется на территории данной республики, статус официального. Вместе с тем Конституция РФ, исходя из исторически сложившегося государственного единства и в целях решения общегосударственных задач в РФ, как многонациональной стране, определяет, что государственным языком РФ на всей ее территории является русский язык (ст. 68 ч. 1), который добровольно принят народами России в качестве основного средства межнационального общения. Но, как это провозглашено ч. 3 ст. 68 Конституции РФ, Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития.

Важно учесть, что все эти названные конституционные положения находятся в системной связи с другими положениями Конституции РФ, закрепляющими основы федеративного устройства страны как суверенного государства (ст. 4 ч. 1; ст. 5 ч. 3) и статус республик в составе РФ (ст. 66 ч. 1), а также регламентирующими статус личности — об обладании каждым гражданином РФ на всей ее территории всеми правами и свободами и несении равных обязанностей, предусмотренных Конституцией РФ (ст. 6 ч. 2), о равенстве прав и свобод человека и гражданина независимо от каких-либо обстоятельств, в том числе национальности, языка и места жительства (ст. 19 ч. 2), о гарантиях прав каждого на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ст. 26 ч. 2), о запрещении пропаганды языкового превосходства (ст. 29, ч. 2).

Из этого, следовательно, вытекает, что вопросы, касающиеся правового статуса государственных языков республик, затрагивают конституционные права как граждан — носителей соответствующего государственного языка республики, в том числе проживающих в РФ за пределами данной республики, так и граждан, проживающих в этой республике и не владеющих данным языком, включая права в области общения, воспитания, обучения, творчества, изучения и развития родных языков (ст. 26 ч. 2; ст. 68 ч. 3 Конституции РФ), а также в сфере культуры, включая право на доступ к культурным ценностям (ст. 44 ч. 2 Конституции РФ). А определяя предметы ведения РФ и совместного ведения РФ и ее субъектов, за пределами которого субъекты РФ осуществляют собственное правовое регулирование, Конституция РФ относит регулирование прав и свобод человека и гражданина, а значит, прав в языковой сфере, и установление основ федеральной политики в области культурного и национального развития РФ, составной частью которой является государственная языковая политика, к ведению РФ (ст. 71, п.п. «в», «е»), а защиту прав и свобод человека и гражданина и общие вопросы образования, культуры и языка как их компонента — к совместному ведению РФ и ее субъектов (ст. 72, п.п. «б», «е»).

Таким образом, делает вывод Конституционный Суд РФ, по смыслу указанных положений Конституции РФ федеральный законодатель вправе устанавливать основы правового регулирования языков народов РФ, включая общие вопросы языковой политики, в том числе относящиеся к статусу государственных языков республик в его соотношении со статусом государственного языка РФ, а статус государственных языков республик в составе РФ, как затрагивающий статус государственного языка РФ, права и свободы ее граждан в сфере образования и культуры, не может быть предметом исключительного ведения субъектов РФ.

Принял во внимание Конституционный Суд РФ и то обстоятельство, что конкретизируя положения ст. 68 Конституции РФ, федеральный Закон «О языках народов Российской Федерации» определяет, что РФ в лице высших органов государ-

ственной власти осуществляет установление общих принципов законодательства РФ о языках народов РФ, обеспечение функционирования русского языка как государственного языка РФ, содействие развитию государственных языков республик, создание условий для сохранения и развития языков малочисленных народов и этнических групп, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований или проживающих за их пределами (ст. 6).

Государственные языки республик — один из элементов конституционного статуса этих субъектов РФ, который определяется Конституцией РФ и конституцией республики (ст. 66 ч. 1 Конституции РФ) и вместе с тем обусловлен федеративным устройством РФ, основанном на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти ее субъектов, равноправии и самоопределении народов в РФ (ст. 5 ч. 3 Конституции РФ).

Конституционный Суд РФ указал в связи с этим, что в силу указанных принципов федеративного устройства и исходя из того, что Конституция РФ относит установление основ федеральной политики и федеральные программы в области культурного и национального развития РФ, в том числе основ государственной языковой политики и содействие развитию государственных языков республик, к ведению РФ (ст. 71, п.п. «б», «е»), федеральный законодатель вправе урегулировать принципиальные вопросы статуса государственных языков республик, затрагивающие интересы всей РФ и конституционные права и свободы граждан, а также определить общие принципы правового регулирования этих языков, к которым должны предъявляться особые требования по сравнению с иными языками, не имеющими статус государственных.

При этом использование (употребление) языка в качестве государственного в различных сферах государственной деятельности и в официальных отношениях предполагает его существование не только в словесной (устной), но и в письменной форме. Поэтому обязательным и существенным компонентом правового статуса государственного языка является графическая основа его алфавита, т.е. системы знаков, употребляемых в письменности. Установление той или иной графической основы алфавита государственного языка (кириллицы, латиницы или другой), как свидетельствует исторический опыт, обуславливаются не только и не столько особенностями фонетики языка, сколько происходящими в обществе переменами социально-культурного и национально-исторического характера, а также интересами государства на разных этапах его развития, в том числе в сфере международных отношений. Соответственно, указал Конституционный Суд РФ, смена графической основы алфавита государственного языка должна осуществляться с учетом исторических и политических факторов, национальных и культурных традиций, быть научно обоснованной и отвечать общественным ожиданиям, что в конечном счете требует проявления суверенной воли государства.

Согласно п. 6 ст. 3 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» в России алфавиты государственного языка РФ и государственных языков республик в составе РФ строятся на графической основе кириллицы; иные графические основы алфавитов государственного языка РФ и государственных языков республик могут устанавливаться федеральными законами. Установив единую графическую основу алфавитов государственного языка РФ и государственных языков республик, федеральный законодатель, как отметил Конституционный Суд РФ, прежде всего констатировал и легитимировал исторически сложившиеся в РФ реалии — существова-

ние и развитие языков народов России, получивших статус государственного языка, на графической основе кириллицы. Такое законодательное решение, посчитал Конституционный Суд РФ, в настоящее время обеспечивает — в интересах сохранения государственного единства — гармонизацию и сбалансированное функционирование общефедерального языка и государственных языков республик, направлено на достижение их оптимального взаимодействия в рамках общего языкового пространства и не препятствует реализации гражданами РФ прав и свобод в языковой сфере, в том числе права на пользование родным языком.

Вместе с тем, отметил Конституционный Суд РФ, федеральный законодатель не исключил возможность изменения графической основы алфавитов государственных языков республик, употреблявшейся ими на момент принятия Конституции РФ. При этом он не вправе действовать произвольно, по своему усмотрению, — такое изменение допустимо, если только оно преследует конституционно-значимые цели, отвечает историко-культурным, социальным и политическим реалиям, а также интересам многонационального народа РФ. Решение же этого вопроса республикой в одностороннем порядке, без учета вытекающих из Конституции РФ требований и гарантий в языковой сфере, могло бы привести не только к ослаблению федеративного единства, нарушению полномочий РФ в языковой сфере, но и к ограничению конституционных прав и свобод граждан, в том числе проживающих за пределами республики, для которых данный язык является родным, — на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества, на участие в культурной жизни, на доступ к культурным ценностям, многие из которых созданы на основе исторически сложившейся письменности.

Таким образом, сделал вывод Конституционный Суд РФ, оспариваемые положения п. 6 ст. 3 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» не противоречат Конституции РФ и согласуются с закрепленными ею принципами федеративного устройства, прежде всего принципом государственной целостности, а также конституционными требованиями, в силу которых основы федеральной политики в области культурного и национального развития РФ, в том числе государственная языковая политика, регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина в языковой сфере, общие вопросы образования и культуры регулируются федеральными законами (ст. 5 ч. 3; ст. 26 ч. 2; ст. 55 ч. 3; ст. 68 ч.ч. 2 и 3; ст. 71, п.п. «в», «е»; ст. 72, п.п. «б», «е» ч. 1 Конституции РФ).

Соответственно, резюмировал Конституционный Суд РФ, положения п. 6 ст. 3 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» о строении алфавита государственных языков республик на графической основе кириллицы и возможности установления иных графических основ алфавитов данных языков федеральными законами данным постановлением Конституционного Суда РФ признаются не противоречащими Конституции РФ.

Как известно, большое видится на расстоянии. И это верно также в том случае, если под большим понимать решения органов конституционного контроля, под расстоянием — хронический аспект. По мнению автора данной работы, значение описанного здесь постановления Конституционного Суда РФ достаточно рельефно можно увидеть через призму изложенного С. Гловюком — поэтом, переводчиком, публицистом: «Кириллическое пространство не замыкается только границами России, оно экстерриториально. А здесь назрели огромные проблемы. В последнее время от кириллицы ушли: Азербайджан, Узбекистан, Туркмения. Остро стоит вопрос в Молдавии, Казахстане и Киргизии. Несколько месяцев назад Конституционный суд отклонил ходатайство Татарстана о пере-

ходе на латинский алфавит. Это все уже политика или геополитика, потому что вслед за изменением алфавита меняется язык, за изменением языка меняются почему-то границы, появляются государства, не всегда дружественные России. ... Имея другой алфавит, мы бы имели и абсолютно другой язык, другую культуру, другую этнопсихологию, другую историю, и неизвестно, на каком уровне развития были бы сейчас» [14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тишков В. А. Этнология и политика. М., 2001. С. 221.
2. Литературная газета. 2004. 9-15 июня.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 2. М., 2000. С. 1076.
4. Словарь русского языка. Т.IV. М., 1999. С. 780.
5. Словарь современных понятий и терминов. М., 2002. С. 522.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1973. С. 840.
7. Журнал «Культура и письменность Востока». Кн. 4. Баку. 1929. С. 193-194.
8. Мусоев К. М. Языки и письменности народов Евразии. Алма-Ата. 1993. С. 71.
9. Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. А.М.Прохоров. Изд. второе, перераб. и доп. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», СПб.: Норинт, 2001. С. 529.
10. Алпатов В. Реформа алфавита: латиница или кириллица? // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 2. С. 134-135.
11. Дилингер Д. Алфавит: пер. с англ. /Общ. ред., предисл. и примеч. И. М. Дьяконова. Изд. 2-е. стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 628-629.
12. Российская газета. 2004. 14-20 октября; Независимая газета. 2004. 1 июля, 6 июля; Родная газета. 2004. 8 октября; Труд. 2004. 8 октября; Известия. 2004. 6 октября; Новая газета. 2004. 18-20 октября.
13. Российская газета. 2004. 4 октября.
14. Литературная газета. 2005. 27 апреля-5 мая.

Елена Генриховна КОМИССАРОВА —
профессор кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Тюменского юридического института МВД РФ,
доктор юридических наук

УДК 347

ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются основные компоненты методологии науки гражданского права, соотношение методологии познания с методом и методикой и основные методологические подходы, лежащие в основе научного познания гражданского права.

The article focuses on the main components of the methodology of civil law, the correlation between the methodology and both of research methods and techniques. The paper examines the principal methodological approaches which underlie the scientific knowledge of civil law.

В постсоветский период, в стремлении избежать профессиональной деградации научных коллективов, преодоления кадрового дисбаланса, сохранения при